

В. В. РОЗАНОВ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП

А. ДАНИЛЕВСКИЙ

Исследователями жизни и творчества В. В. Розанова уже не раз отмечалось любопытное явление: критики-современники мыслителя часто и охотно проецировали его на различных персонажей русской литературы¹. И действительно, примеров подобного рода проецирования имеется превеликое множество². Так, в частности, статья В. С. Соловьева "Порфирий Головлев о свободе и вере (По поводу статьи В. Розанова "Свобода и вера")"³ положила начало устойчивой традиции уподобления Розанова щедринскому Иудушке⁴.

В свою очередь, Д. С. Мережковский первым — в статье 1907 г. "Революция и религия" — определил Розанова как "смесь Акакия Акакиевича <Башмачкина> с Великим Инквизитором"⁵.

Часто сравнивали мыслителя со Смердяковым и с сологубовским Передоновым, — дабы избежать многочисленных соответствующих примеров⁶, ограничимся "констатацией" самого Розанова (в 1913 г.): "Со времени "Уед<иненного>" окончательно утвердилось в печати, что я — Передонов, или — Смердяков. Мерси"⁷.

Столь же устойчивой, как и в случае с Иудушкой, оказалась традиция соотнесения Розанова с Федором Павловичем Карамазовым. Так, А. К. Закржевский заявил в 1912 г. в книге "Карамазовщина". Психологические параллели": "Несомненно, он <Розанов> от Федора Павловича, плоть от плоти, кость от костей его <...>"⁸, а Н. А. Бердяев в 1923 г. утверждал: "Устами Розанова иногда философствовал сам Федор Павлович Карамазов, который поднимается до гениального пафоса"⁹.

Отмеченный прием оказался настолько клишированным в критической и публицистической литературе о Ро-

занове начала века, что даже получил весьма своеобразное преломление в беллетристике той поры, — в повести А. М. Ремизова "Неуемный бубен" (1909). В свое время нами уже указывалось, что прототипом главного героя этого произведения — провинциального "маленького человека", чиновника-переписчика и эротомана — послужил В. В. Розанов¹⁰. Ремизовский Стратилатов-Розанов последовательно проецировался автором на гоголевского Акакия Акакиевича, на героя "Двойника" Голядкина, на Порфирия Головлева, старика Карамазова, Передонова и на ряд других известных персонажей¹¹, приобретших к тому времени статус "литературных типов". Мотивацией этих проекций и были, по нашему прежнему мнению, соответствующие уподобления Розанова его современниками¹². В свою очередь, само подобное восприятие личности и деятельности мыслителя объяснялось нами ранее особой "отлитературностью" сознания русской гуманитарной интеллигенции начала XX в.¹³ Такое объяснение представляется нам верным и ныне, верным, но недостаточным, — по той причине, что оно игнорирует аналогичную особенность самого Розанова: релевантность и для его сознания восприятия реальной действительности (и своей собственной персоны — в первую очередь!) сквозь призму классической русской литературы.

В предлагаемой статье предпринята попытка интерпретации указанного выше феномена с учетом последнего соображения.

Восприятие действительности сквозь призму русской классической литературы было для сознания Розанова гораздо более актуальным, нежели для сознания многих его современников, — по причине полной замкнутости данного восприятия на его собственной личности. Иными словами: Розанов воспринимал в свете литературы прежде всего самого себя, сам перманентно проецировал себя на различные литературные типы, и в зависимости от их оценки (своей собственной, или общественным мнением) и степени своего сходства/различия с ними оценивал себя, свои помыслы и деяния.

Свидетельством тому — тяготящий самосознание Розанова комплекс "маленького чиновника", имеющий очевидное "литературное происхождение" и ассоциативно связанный в его восприятии с исходным образом этого — чрезвычайно актуального для русской литературы — ти-

па, — образом Акакия Акакиевича.¹⁴ В наличии такого комплекса убеждает уже хотя бы тот факт, что определение Розанова как "смеси Акакия Акакиевича с Великим Инквизитором" было подсказано Мережковскому... самим Розановым. В той же статье, где оно (это определение) содержится, имеется также и такое сообщение: "Во мне есть Акакий Акакиевич, — заметил однажды Розанов, стоя перед зеркалом. — Вы не можете себе представить, до чего повредила мне в жизни моя мизерабельная наружность!"¹⁵ Но это не все... В 1894 г. в № 3 "Русского вестника" появилась статья Розанова "Как произошёл тип Акакия Акакиевича"¹⁶. Статья эта, помимо ценных соображений и догадок относительно социально-исторического и литературного генезиса гоголевского героя, содержит также подробнейшее сопоставление описаний внешнего вида Башмачкина в каноническом тексте "Шинели" и в одном из начальных набросков к нему¹⁷. Напомним их по тексту розановской статьи (порядок цитирования обратный): "<...> итак в этом департаменте служил чиновник, собой не очень взранный — *низенький, плешивый, рябоват, красноват, даже на вид несколько погслеповат* <здесь и далее курсив Розанова. — А. Д.>"; "<...> служил один чиновник <...>: *низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид погслеповат, с небольшою лысиною на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется, геморроидальным*"¹⁸. Описывается внешний облик Башмачкина, но большинство тех его черт, которые Розанов выделит курсивом, находим в его собственном автопортрете в "Уединенном", и упоминаются они там в самом негативном контексте¹⁹: "<...> неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду. <...> Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, <...> не сухая. Волоса прямо огненного цвета<...>"²⁰. Если мы при этом вспомним, что Розанов был невысокого роста (ниже среднего), имел высокий лоб с залысинами и страдал близорукостью (носил очки)²¹, то станет очевидным, что в процессе работы над статьей о Башмачкине Розанов преследовал те же цели, которые несколько позднее пытался достичь Н. А. Бердяев: в "Самопознании" последний вспоминает, как в ходе и самом акте работы над статьей "Ставрогин" (1914) он вымещал ("выдавливал из себя по капле") некоторые ставрогинские — естественно, оцениваемые им негативно, — черты²². Т.е.,

пища и размышляя об Акакии Акакиевиче, Розанов тем самым избавлялся от "башмачкинского комплекса".

Совершенно иной природы случай с уподоблением Розанова Передонову. Оно основано на недоразумении и не лишено известной пикантности. Розанов, как известно, ряд лет (1882—1893) прослужил преподавателем различных провинциальных гимназий. Уже сам по себе этот факт провоцировал проецирование Розанова на гимназического учителя из романа Сологуба²³. Но в действительности связь здесь обратная: сам Передонов появился на свет прежде всего как недобрая карикатура на Розанова.

Сопоставим факты: по свидетельству З. Н. Гиппиус (в "Живых лицах"), отношения между Сологубом и Розановым в пору их сотрудничества в журнале "Мир искусства" были весьма натянутыми²⁴. Но "Мелкий бес" создавался именно в то время, и вот в этом романе мы встречаемся с провинциальным гимназическим учителем Передоновым, — крайне грубым (а именно это качество, по свидетельству Гиппиус, вменял в вину Розанову Сологуб²⁵), политическим реакционером (вспомним, что к "декадентам" Розанов пришел из консервативного славянофильского лагеря и что как раз в этот период — в 1899 г. — он становится постоянным сотрудником крайне "правого" "Нового времени"), болезненно эротичным (сопоставим это с проблематикой розановского творчества и интерпретацией ее в печати — особенно "левой" — того времени²⁶), сожительствующим с женщиной по имени Варвара (вспомним о Варваре Дмитриевне Бутягиной-Розановой, второй жене писателя, состоящей с ним в гражданском браке), но мечтающим о супружестве с живущей вдали от него злой старухой-княгиней (вспомним историю первого — неудачного — розановского брака с Аполлиinarieй Сусловой, бывшей на 16 лет старше его, женщиной чрезвычайно тяжелого нрава, — Гиппиус называет ее в своих мемуарах "тяжелой старухой"²⁷, — бросившей молодого мужа и затем до конца жизни препятствовавшей церковному узакониванию его отношений с Варварой Дмитриевной). В романе Сологуба фигурирует также близкий приятель Передонова, тоже учитель Володин, постоянная деталь в изображении которого — упоминание о кудрявости его волос ("кудрявый как баран"). В Володине, соответственно, легко опознается Валентин Александрович Тернавцев, известный богослов, интимный друг Розанова и его едино-

мышленник, итальянец по матери, унаследовавший от нее южный тип красоты и волнистость волос, — З. Н. Гиппиус так его постоянно и именует в "Живых лицах": "кудрявый Валентин"²⁸.

Кроме данных переключек имеется также и совершенно очевидное, на наш взгляд, свидетельство в пользу версии "Розанов — прототип Передонова". Это воспоминания бывшего ученика Розанова по Бельской прогимназии²⁹ Всеволода Владимировича Оболянинова. Читая их, трудно отделаться от мысли, что перед нами — как бы черновой набросок большинства перипетий сюжетной линии "Передонов — Саша Пыльников". В виду важности воспоминаний приводим их почти целиком: "В девяностых годах прошлого века я жил в городе Белом быв<шей> Смоленской губернии, и в 1891 и 92 гг. состоял учеником первого класса местной шестиклассной прогимназии. Преподавателем географии у нас был Василий Васильевич Розанов <...>. Давно это было, <...> но личность <...> Розанова передо мной стоит до сих пор так ясно, как будто мы расстались с ним только вчера. Среднего роста, рыжий, с всегда красным, как из бани лицом, с припухшим носом картошкой, близорукими глазами, с воспаленными веками за стеклами очков, козлиной бородкой и чувственными красными и всегда влажными губами он отнюдь своей внешностью не располагал к себе. Мы же, его ученики, ненавидели его лютой ненавистью, и все, как один. <...> свою ненависть к преподавателю мы переносили и на преподаваемый им предмет. Как он преподавал? Обычно он заставлял читать новый урок кого-либо из учеников по учебнику Янчина "от сих до сих" без каких-либо дополнений, разъяснений, а при спросе гонял по всему пройденному курсу, выискивая, чего не знает ученик. Спрашивал он по немой карте, стараясь сбить ученика. Например, он спрашивал: "Покажи, где Вандименова земля?", а затем, немного погодя — "А где Тасмания? Что такое Гавай? А теперь покажи Сандвичевы острова". Одним словом, ловил учеников на предметах, носящих двойные названия, из которых одно обычно упоминалось лишь в примечании. А когда он свирепел, что уж раз за часовой урок обязательно было, он требовал точно указать границу между Азией и Европой, между прочим, сам ни разу этой границы нам не показав. Конечно, ученик <...> начинал путать, и мы уже заранее знали, что раз дело дошло до границы между Азией

и Европой, то единица товарищу обеспечена. Но вся беда еще не в этом. Когда ученик отвечал, стоя перед партией, Вас. Вас. подходил к нему вплотную, обнимал за шею и брал за мочку его ухо и пока тот отвечал, все время крутил ее, а когда ученик ошибался, то больно дергал. Если ученик отвечал с места, то он садился на его место на парте, а отвечающего ставил у себя между ногами и все время сжимал ими ученика и больно щипал, если тот ошибался. Если ученик читал выбранный им урок, сидя на своем месте, Вас. Вас. подходил к нему сзади и пером больно колот его в шею, когда он ошибался. Если ученик протестовал и хныкал, то Вас. Вас. колот его еще больней. От этих уколов у некоторых учеников на всю жизнь сохранилась чернильная татуировка. Иногда во время чтения нового урока <...> Вас. Вас. отходил к кафедре, глубоко засовывал обе руки в карман брюк, а затем начинал производить <ими> какие-то манипуляции. Кто-нибудь из учеников замечал это и фыркал, и тут-то начиналось, как мы называли избивение младенцев. Вас. Вас. свирепел, хватал первого попавшего <...> и тащил к карте. — "Где граница Азии и Европы? Не так! Давай дневник!" И в дневнике — жирная единица. — "Укажи ты! Не так!" — И вторая единица, и тут уж нашими "колами" можно было городить целый забор. Любимыми его учениками, то есть, теми, на которых он больше всего обращал внимание и мучил их, были чистенькие мальчики. На двух неряшливых бедняков из простых и на одного бывшего среди нас еврея он не обращал внимания <...>. Мы, малыши, конечно совершенно не понимали, что творится с Вас. Вас., на наших уроках, но боялись его и ненавидели. Но позже, много лет спустя, я невольно ставил себе вопрос, как можно было допускать в школу такого человека с явно садистическими наклонностями? <...> О том, что он был женат на любовнице Достоевского Апполинаруи Сусловой, бывшей старше Розанова на 16 лет, я узнал позже, в девяностых годах она уже его оставила и в г. Белом ее не было"³⁰.

Не менее пикантен случай с проецированием Розанова-Стратилатова из ремизовского "Неуемного бубна" на героя "Двойника" господина Голядкина³¹. В связи с ним актуализируется проблема "Розанов и Достоевский". "Много раз и в печати и в беседе с друзьями В. В. Розанов говорил о своей тесной, интимной, психологической связи с творчеством Ф. М. Достоевского"³². Неоднократно

указывалось на это и в критической, мемуарной и исследовательской литературе о Розанове³³. Мало, однако, писалось при этом о совершенно очевидном розановском стремлении выстроить свою жизнь по образцу и подобию жизни Достоевского, а между тем "переключки" между ними — и смоделированные самим Розановым, и, что называется, "подброшенные судьбой", — просто поразительны. В 1880 г. двадцатичетырехлетний Розанов женится на сорокалетней Аполлинарии Прокофьевне Сусловой, — по словам Л. П. Гроссмана, "предмете самой сильной страсти Достоевского"³⁴. Слово в подражание Достоевскому Розанов через несколько лет расстается с этой "инфернальной" женщиной и подобно Достоевскому же обретает вслед за тем семейное счастье в союзе с внешне малоприметной и совершенно противоположной Сусловой по характеру В. Д. Бутягиной (Достоевский — с А. Г. Сниткиной), хотя взаимоотношения его с Сусловой (как и у Достоевского в свое время) на этом отнюдь не прекращаются³⁵. Далее: подобно чадолюбивому Достоевскому (отцу четверых детей, двое из которых умерли) Розанов (в будущем — отец шестерых детей) теряет своего первенца (поразительное совпадение: у обоих у них погибают дочери-младенцы)... Знаменитые же розановские "Уединенное", "Опавшие листья", "Мимолетное" и иже с ними, — это не что иное, как "модернизация" "Дневника писателя" Достоевского?³⁶ Именно эти "переключки" и подражания³⁷ и подразумевал Ремизов, проецируя своего героя на Голядкина, — т.е. прагматика данной проекции состоит в дезавуировании стремления Розанова стать "двойником" автора "Двойника" (даже в сфере сексуальных отношений³⁸).

В свете сказанного представляется очевидной запрограммированность самим Розановым наиболее клишированной его проекции на образ старика Карамазова³⁹. Вопреки собственному утверждению о том, что наиболее психологически близким среди героев Достоевского был для него Шатов⁴⁰, Розанов на протяжении многих лет последовательно моделировал свой имидж в подражание Федору Павловичу. Впервые это проявилось (в опосредованной форме) еще в период сотрудничества Розанова в журнале Мережковских "Новый путь", когда он, по свидетельству З. Н. Гиппиус, "Раз выдумал, чтобы ему позволили подписываться в журнале "Елизавета Сладкая" "⁴¹, явно рассчитывая при этом на возникновение у читателей ком-

плекса ассоциаций, связанных с образом Лизаветы Смердящей. С течением времени Розанов настолько "вжился в образ", что даже его речь — устная и письменная⁴² — приобрела интонационное и лексико-тематическое сходство с речью героя Достоевского⁴³. О проблематике розановских печатных выступлений и говорить излишне: его многочисленные антимонашеские инвективы совершенно очевидно ориентированы на выпады против монашества Федора Павловича в сцене в монастыре, а центральная проблема розановского творчества — "религия и пол в их взаимосвязи" — предстает как вывернутая наизнанку — "теоретизированная" — "карамазовщина"⁴⁴.

Стоит ли после этого указывать, что, например, ниже следующий пассаж из книги 1911 г. "Люди лунного света" воспринимается как парафраз — своего рода "облагороженный" вариант — заявления старика Карамазова о том, что для него "мовешек не было"⁴⁵: "Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот где настоящее "монашество", как "жертва Богу") заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые "никому не понадобились", "никому не нравятся", некрасивеньких, слабеньких, невидненьких: но "тяжких бремени" не надо возлагать, и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет благословенно между прочим именно и за это, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических "сирот", космическое "убожество", производя от него иногда красивейшие лозы: ибо "убогие" с лица своего, в поле <т.е. в сексе — А. Д.> бывают часто гениальны, восприимчивы, страстны, "похотливы" " " ⁴⁶

Помимо розановской самоориентации на старика Карамазова можно, видимо, говорить и об аналогичном его отношении (вероятно, с подачи Вл. Соловьева) к образу Порфирия Головлева, — это, во всяком случае, следует из наблюдений Р. В. Иванова-Разумника, писавшего в 1911 г.: "<...> действительно, много черточек салтыковского Иудушки было и осталось в В. Розанове: елейные словечки, злоба, уменьшительные имена, юродивость, присюсюкивание, умиленность" ⁴⁷

Но чем объяснить оба эти — беспрецедентные в истории русской литературы и общественной жизни — акты жизнетворчества писателя: самовыражение под личи-

ной заведомо отрицательных персонажей? Прежде всего, конечно, эпатажем: это проявление коренного свойства розановской натуры, — его неустанныго стремления идти поперек мнения большинства, против общепринятых норм и оценок⁴⁸.

Но имеются и более глубокие причины — как идеологического, так и психологического свойства. Подражание Розанова Иудушке в большей степени обусловлено вторыми, нежели первыми. Это и ехиднейший ответ на "вызов" Вл. Соловьева⁴⁹, и крайне необычная (как и все у Розанова) форма дискредитации ненавидимого и презираемого им "властителя дум передовой общественности" — Салтыкова-Щедрина⁵⁰.

В свою очередь напяливание на себя личины старика Карамазова — жест с отчетливо выраженной идеологической и пропагандистской подоплеками. В нем ясно просматривается стремление Розанова изменить восприятие этого образа современниками: преодолеть его негативную оценку, представить отрицательный персонаж как положительный или хотя бы просто привлечь к нему внимание общества, вынудив общество иначе, чем прежде, взглянуть и на сопутствующее этому образу явление "карамазовщины". Причина же безусловно позитивного восприятия этой последней самим Розановым выясняется из его письма от 9 мая 1918 г. к Э. Ф. Голлербаху: "Вообще, из текста Евангелия совершенно естественно вытекает монастырь. Монастырь — авит'ализм. "Нет жизни, не нужно. Скорбь и скорбь заливают все. Но тогда как же? Надо — жить, остается — жить. <...> И вот — "живут", но — "прохвосты". Боккачио, Вольтер, Герцен. "Живет" революция, хамство, подлость. Нет — Алкивиада, есть — Чичиков. Нет — мотылька, оборваны его золотые крылышки. "Супротив его" — мужик хам и революция. Я не понимаю, как у Вас при В<ашем> уме не связывается все в одну картину. Для меня без'Божие жизни так объясняется. И вот — смотрите: Достоевский и карамазовщина, — К. Леонтьев с его эстетикой — какое все это уже антихристианство, какие опять Афины <...>: знаете ли Вы и догадываетесь ли Вы, что именно в России суждено прийти Антихристу, т.е. <...> опять восстановить фалл, обрубленный Алкивиадом <...> окончательно <же> Христом. Достоевский — это опять теизм, К. Леонтьев — вновь порыв веры, уже не то, что "евангелики" Толстой и Чертков. И "Розанов" естественно продолжа-

ет и включает К. Леонтьева и Достоевского. Лишь то, что у них было глухо и намеками, у меня становится ясною, сознанною мыслью. Я говорю прямо то, о чем они не смели и догадываться. Говорю, п<отому> ч<то> я все-таки более их мыслитель ("О понимании"). Вот и все"⁵¹. В приведенном высказывании "Достоевский и Леонтьев выстраиваются в цепочку как предшественники Розанова, предшественники его языческого монотеизма, который придет на смену христианству <...>. В этом плане сам Розанов рассматривает себя пророком будущей религии, с которой придет Антихрист, чье имя здесь поминается в самом положительном смысле. Антихрист восстановит в религии фалл — соединит бога с полом, как было в далекой и прекрасной древности. Фалл — это Древо Жизни, по Розанову, обрубленный нигилистом Христом, <...> а ранее — <...> Алкивиадом, первым безбожником, о котором известно, что он из озорства и неверия отбивал фаллы у священных статуй. И вот выстраивается всемирно-исторический ряд — в котором, как вежи, фигурируют религии древности, с Древом Жизни — Фаллом в центре, затем следуют безбожники Алкивиад, Христос, вся европейская цивилизация, основанная на безбожии <...>. Но как пророки будущего религиозного возрождения выступают Достоевский, Леонтьев и Розанов"⁵². Таким образом, "карамазовщина" для Розанова — это гениальное прозрение Достоевского, пункт взаимопересечения их идеологий, начало линии преемства Розанова по отношению к Достоевскому, почва для его последующих умозрительных построений — и, одновременно, чрезвычайно эффективное (ибо — порождение гения) средство воздействия на общественное сознание с целью кардинальной его переориентации в угодном Розанову направлении.

Думается, что все вышесказанное позволяет внести дополнительные коррективы в интерпретацию взаимоотношений Розанова с представителями модернизма в русской литературе начала XX в.: по линии воздействия розановского жизнетворчества на Мережковских, Е. П. Иванова, Б. Садовского, особенно — на А. Ремизова и А. Тинякова; по линии соучастия мыслителя в процессе выработки "неомифологического" сознания (со временем породившего магистраль преемственности и развития русской литературы нынешнего столетия — "текст-миф"⁵³) и мн. др. Очевидно также, что розановское жизнетворче-

ство подпитывалось не только материалом отечественной словесности. Чрезвычайно перспективным, например, представляется исследование автопроекций Розанова на платоновского Сократа. Но: *feci quod potui*...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., напр.: Синявский А. "Опавшие листья" В. В. Розанова. — Париж: Синтаксис, <1982>. — С. 6.
- 2 В. А. Фатеев недавно даже посетовал на это: "Каких только прозвищ не давали Розанову ("Порфирий Головлев", <...> "Смердяков", "двурушник", "Передонов" и т.п.), сколько на его долю выпало упреков, издевательств, брани!" (Фатеев В. А. В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. — Л., 1991. — С. 7).
- 3 Статья появилась в 1894 г., неоднократно затем переиздавалась, — см., напр.: Соловьев В. С. Собр. соч. 2-ое изд. — СПб., 1914. — Т. 6.
- 4 В этой связи см., напр., статью Р. В. Иванова-Разумника 1911 г. "Юродивый русской литературы", — в кн.: Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические: 1908—1922. — Пб., 1922. — С. 154. Ср., однако, с мнением Н. П. Ашешова: "В галерее бессмертных созданий русской художественной литературы есть ряд типов, с которыми мысль невольно сближает рассматриваемого нами писателя <т.е. Розанова. — А. Д.>, действительно, пожалуй, со времен книгопечатания, самого голого...

Но если взять первый яркий тип лицемерия, Иудушку Головлева, — каким он покажется неярким в сравнении с Розановым. Их, правда, сближает два качества — откровенность и стяжание. Но у Иудушки все же оказалась совесть, хоть и одичавшая, но все же совесть. Она была "загнана и как бы позабыта". И в конце концов проринулась. Экая наивность! "Я не подлец, чтобы думать о морали..." (Ал. Ожигов <Ашешов Н. П.> Вместо демона — лакей. (В. В. Розанов) // Современник. — 1913. — № 6. — С. 318; в конце высказывания приведена измененная цитата из книги Розанова "Уединенное").

- 5 Мережковский Д. С. Революция и религия // Русская мысль. — 1907. — № 3. — С. 19. То же см.: Полн. соб.

- сочинений Д. С. Мережковского: В 24 т. — М., 1914. — Т. 13. — С. 72.
- 6 См., напр.: Ал. Ожигов <Ашешов Н. П.>. Указ. соч. — С. 317, см. также: С. 318, 319; Иванов-Разумник. Указ. соч. — С. 154, ср.: С. 149—150.
- 7 Розанов В. Опавшие листья. — СПб., 1913. — С. 359.
- 8 Закржевский А. "Карамазовщина". Психологические параллели. — Киев, 1912. — С. 73. Ср.: Мережковский Д. С. Розанов // Русское слово. — 1913. — 1 июля. — № 125. — С. 2; то же см.: Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник: 1910—1914. — Пг., 1915. — С. 229—230.
- 9 Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. — Прага: YMCA-PRESS, 1923. — С. 229—230.
- 10 См.: Данилевский А. А. *Mutato nomine de te fabula narratur* // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сб. VII / Учен. зап. Тарт. ун-та. — Тарту, 1986. — Вып. 735. — С. 137—149; Данилевский А. А. Герой А. М. Ремизова и его прототип // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы / Учен. зап. Тарт. ун-та. — Тарту, 1987. — Вып. 748. — С. 150—165. В этой связи также см.: Кацис Л. "... я точно всю жизнь прожил за занавескою" ("Занавешенные картинки" М. А. Кузмина и В. В. Розанов) // Русская альтернативная поэтика. — М.: Изд. МГУ, 1990. — С. 42 и др.; Козьменко М. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова // Эрос. Россия. Серебряный век. — М., 1992. — С. 179—180 и др.
- 11 См.: Данилевский А. А. *Mutato nomine de te fabula narratur*... — С. 139—145.
- 12 См.: Данилевский А. А. Герой А. М. Ремизова и его прототип... — С. 157—159.
- 13 См.: Там же. — С. 157—158.
- 14 Ср.: Синявский А. Указ. соч. — С. 178.
- 15 Мережковский Д. С. Революция и религия // Рус. мысль. — 1907. — № 3. — С. 19. Ср. в "Живых лицах" З. Н. Гиппиус: "Ведь вот и наружность, пожалуй, чиновничья, "мизерабельная" (сколько он об этой мизерабельной своей наружности говорил, писал, горевал!), — а какой это, к черту, <...> чиновник? Просто никуда.
- Не знаю, каким он был учителем (что-то рассказывал), — но, думается, тоже никуда" (Гиппиус З. Н. Стихотворения; Живые лица. — М., 1991. — С. 316—317).

- 16 Статья неоднократно переиздавалась — и при жизни Розанова (см., напр.: Розанов В. Литературные очерки. — СПб., 1899; Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского: Опыт критического комментария. С приложением двух этюдов о Гоголе. Изд. 3-е. — СПб., 1906) и в самое недавнее время (см. ниже).
- 17 В "Повести о чиновнике, крадущем шинели".
- 18 Цит. по: Розанов В. В. Несовместимые контрасты бытия: Литературно-эстетические работы разных лет. — М., 1990. — С. 237; 241.
- 19 О прагматике данного приема см.: Синявский А. Указ. соч. — С. 168—185.
- 20 Цит. по: Розанов В. В. О себе и жизни своей. — М., 1990. — С. 54.
- 21 В этой связи см., напр., знаменитый розановский портрет кисти Л. С. Бакста (хран. в Третьяковской гал.), а также описания его внешнего облика в кн.: Русов Н. Н. Золотое счастье. Роман. — М., 1916. — С. 52; Лутохин Д. Воспоминания о Розанове // Вестник литературы. — Пг., 1921. — № 4/5 (28/29). — С. 5; Цветаева А. Воспоминания. Изд. третье, доп. — М., 1984. — С. 546—547; Форш О. Летошний снег: Романы, повесть, рассказы и сказки. — М., 1990. — С. 304—305; Белый А. Начало века. — М., 1990. — С. 476; Гиппиус З. Н. Указ. соч. — С. 316.
- 22 См. об этом: Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). — М., 1991. — С. 35.
- 23 Равно как и на Беликова из чеховского "Человека в футляре" (как это и имеет место в "Неуемном бубне", — см. об этом: Данилевский А. А. *Mutato nomine...* — С. 141), на которого, в свою очередь, ориентирован и сологубовский Передонов (см. об этом: Минц З. Г. О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сб. III / Учен. зап. Тарт. ун-та. — Тарту, 1979. — Вып. 459. — С. 110—111).
- 24 См.: Гиппиус З. Н. Указ. соч. — С. 318.
- 25 См.: Там же.
- 26 По этому поводу см., напр., след. высказывание Д. В. Филоsofova: " "Левые", эти истые аллопаты, энергичные хирурги, <...> подозревают его <Розанова> в... эротоманстве" (Филоsoфов Д. В. Слова и жизнь. — СПб., 1909. — С. 152). Ср. у З. Н. Гиппиус: Указ. соч. — С. 332.

- 27 См.: Гиппиус З. Н. Указ. соч. — С. 326—329.
- 28 См.: Там же. — С. 325; см. также: С. 324 и др.
- 29 В Бельской прогимназии Розанов преподавал в 1891—1893 гг. Об этом периоде его жизни см., напр.: Фатеев В. А. В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. — Л., 1991. — С. 35, 49—52 и др.
- 30 Обольянинов В. В. В. В. Розанов — преподаватель в Бельской прогимназии (письмо в редакцию) // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1963. — Кн. 71. — С. 267—269 (при цитации здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала).

Ликатность же проекций Розанова на Передонова заключается в том, что в одной из своих статей мыслитель отрицал... какое бы то ни было правдоподобие созданного Сологубом образа, — см.: "Когда появился роман Ф. Сологуба "Мелкий бес", то многие читатели столичных и университетских городов приняли его за отражение современной провинции и приходили в ужас от мрака и грязи, среди которых протекает там жизнь. Провинциальный же читатель, узнавая вокруг себя отдельные черты передоновины, все же никак не мог признать этот роман за объективное изображение провинциального уклада жизни.

<...> Сологуб никогда не видал провинции; никогда не задавался вопросом или тревогою о "состоянии России". И мог бы своего Передонова поместить с равным удобством на Сандвичевых островах, как и "в провинциальном русском городе" <...>. Оно <видение Сологуба. — А. Д.> вовсе никому и ничему не присуще, кроме странного соллогубовского воображения... И никого и ничего не "характеризует", кроме опять же психики автора и его биографической судьбы" (Розанов В. Литературные заметки. Бедные провинциалы... // Новое время. — 1910. — 11 (24) июня. — № 12 300. — С. 4).

Весьма возможно, что подоплека образа Передонова была известна (со слов Ф. К. Сологуба?) Р. В. Иванову-Разумнику, писавшему в 1911 г. о Розанове: "Ведь это же Передонов, тот самый Передонов, о котором В. Розанов сердито писал, что-де это клевета, небывальщина, что-де "я сам" был учителем провинциальной гимназии, а Передонова никогда не видал... Помните героиню басни Крылова, которая, "в зеркале увидя образ свой", стала негодовать, и возмущаться: "что это там за рожа? Какие у нее ужимки и прыжки! Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее хоть чуть была похожа!..."

- Ах, многое знакомое нам по предыдущим <розановским> строкам <из "Уединенного"> есть в Передонове: и истинно-русское хамство, и хитренькое себе-на-уме, и невежество, и бессознательное юродство, и даже трепет перед каждым городовым. Но что это было бы, если б Передонов стал заниматься <...> публицистикой?" (Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические: 1908—1922. — Пб., 1922. — С. 149—150).
- 31 См. об этом: Данилевский А. А. *Mutato nomine...* — С. 143; Данилевский А. А. Герой А. М. Ремизова и его прототип... — С. 158.
- 32 Голлербах Э. В. В. Розанов: Жизнь и творчество. — М., 1991. — С. 44 (репринт петроградского издания 1922 г.).
- 33 См.: Там же. — С. 44—45 и др.; Лутохин Д. Воспоминания о Розанове... — С. 5; Синявский А. Указ. соч. — С. 317—322 и др.
- 34 Гроссман Л. Путь Достоевского. — Л., 1924. — С. 148. См. об этом также: Гроссман Л. Одна из подруг Достоевского // Русский современник. — М.; Л., 1924. — Кн. 3. — С. 248—252; Сулова А. Годы близости с Достоевским: Дневник—повесть—письма / Вступ. ст. и прим. А. С. Долинина. — М., 1991 (репринт московского издания 1928 г.); Голлербах Э. Указ. соч. — С. 13; Фатеев В. А. Указ. соч. — С. 31—32 и др.
- 35 См. об этом, напр.: Фатеев В. А. Указ. соч. — С. 40—41, 44 и др.
- 36 В этой связи см. след. воспоминание Э. Ф. Голлербаха, относящееся к 1915—16 гг.: "Помню, однажды любовно поглаживая том "Дневника писателя", Розанов сказал: "Научитесь ценить эту книгу. Я с ней никогда не расстанусь". Достоевский всегда лежал у него на столе" (Голлербах Э. Указ. соч. — С. 44, ср.: С. 62).
- 37 Кстати, их обилие и даже некоторая чрезмерность, намеренность заставляют усомниться в подлинности рассказов Розанова о финале его брака с Суловой. Согласно распространяемой (буквально навязываемой) им версии, Сулова "бросила" его (см. об этом, напр.: Гроссман Л. Одна из подруг Достоевского... — С. 250). С др. стороны, известно, что Розанов — со слов Суловой — полагал, будто она бросила Достоевского (см.: Там же. — С. 252), тогда как на деле инициатором прекращения их отношений был именно Федор Михайлович. Не являются ли розановские рассказы об оставлении его Суловой фальсификацией, предпринятой опять-

- таки для увеличения сходства его судьбы с судьбой Достоевского (как он ее представлял)? Положительный ответ на этот вопрос кажется весьма вероятным, особенно с учетом зафиксированной З. Н. Гиппиус обмолвки Розанова (единичной!) о том, что, в конечном итоге, именно он окончательно похерил их с Сусловой брачные отношения (см.: Гиппиус З. Н. Указ. соч. — С. 329).
- 38 В этой связи см. позднее заявление-воспоминание Ремизова о том, что Розанов „женится для “опыта” на любовнице Достоевского” (Цит. по: Морковин В. Приспешники царя Асыки // *Československa rusistika*. — 1968. — Т. 14. — № 4. — S. 182).
- 39 В этой связи см. след. утверждение А. С. Долинина: “Мыслями Достоевского Розанов вдохновлялся всю свою жизнь, по характеру своему, по своему душевному укладу представляя собой удивительную смесь различных черт как положительных, так и отрицательных героев Достоевского” (Долинин А. С. Примечания // Сулова А. Годы близости с Достоевским. . . — С. 173).
- 40 См. об этом: Голлербах Э. Указ. соч. — С. 45.
- 41 Гиппиус З. Н. Указ. соч. — С. 340.
- 42 В этой связи см. след. замечание З. Н. Гиппиус: “Пишет он <Розанов> — как говорит: в любой строке его голос, его говор, спешный, шепотный, интимный” (Там же. — С. 320).
- 43 Ремизов вспоминал по этому поводу в 1932 г.: “<...> интонацию Розанова сохранил Достоевский. Есть одно место в “Братьях Карамазовых”. Живая речь Розанова. Когда сердится. . . Слова Федора Павловича Карамазова: “Денег он не просит, правда, а все же от меня ни шиша не получит” и т.д., кончая “вот на чем только и выезжает” ” (Цит. по: Морковин В. Приспешники царя Асыки. . . — S. 183). А Н. А. Бердяев в самом конце 1930-х гг., заявил: “Мне всегда казалось, что он <Розанов> зародился в воображении Достоевского и что в нем было что-то похожее на Федора Павловича Карамазова, ставшего гениальным писателем” (Бердяев Н. А. Самопознание. . . — С. 148).
- 44 “Карамазовщина это плотско-земное, природное и даже сладострастное начало” (Синявский А. Указ. соч. — С. 322).
- 45 Розановская переделка Лизаветы Смердящей в “Елизавету Сладкую” — тоже явно в русле этого заявления.
- 46 Цит. по: Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства. 2-е изд. — СПб., 1913. — С. 17. В связи с

розановским прославлением многоженства напомним о многочисленных женах старика Карамазова.

- 47 Иванов-Разумник. Творчество и критика. . . — С. 154.
- 48 См. об этом: Синявский А. Указ. соч. — С. 259—260 и мн. др.
- 49 О противоречивых взаимоотношениях двух мыслителей см., напр.: Голлербах Э. Указ. соч. — С. 22—37 и др.; Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. — М., 1990. — С. 54—55 и др.
- 50 См. об этом: Синявский А. Указ. соч. — С. 313.
- 51 Цит. по: Розанов В. Сочинения. — Л., 1990. — С. 542.
- 52 Синявский А. Указ. соч. — С. 320—321.
- 53 См. об этом: Минц З. Г. О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сб. III / Тарт. ун-та. — Тарту, 1979. — Вып. 459. — С. 76—120; Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А. А. Кондратьева "На берегах Ярыни". — <Trento, 1990>.